

МАКСИМ СУХАНОВ:

Культура. — 2004. — 2-8 дек. — с. 12

Актер — не до конца изученная категория

Максим СУХАНОВ занимается в жизни многими вещами.

Его ипостаси актера, продюсера, бизнесмена, судя по всему, не вступают в противоречие друг с другом. Он никогда не гнался за количеством ролей, брал качеством игры и масштабом персонажей. Достаточно назвать его театральные работы — Хлестаков, Петруччо, Сирано, Лир в спектаклях Владимира Мирзоева. В кино Суханов снимается не часто, но каждый фильм с его участием вызывает эмоции и споры. Последняя его роль в кино — Иосиф Сталин в многосерийном фильме Андрея Эшпая по трилогии Анатолия Рыбакова. Бизнесмен Максим Суханов в последнее время «диверсифицирует» свой бизнес, все больше связывая его с искусством. Вместе со своим другом Александром Самойленко он занялся кинопродюсированием и уже изрядно преуспел в этом нелегком занятии.

— Максим, как вы подступались к такой громадине, как Сталин?

— Предложение от Андрея Эшпая, конечно же, было неожиданным для меня, и я долго сопротивлялся. Но это не значит, что мне предлагали, а я говорил: «Нет!» Мы долго встречались, проговаривали, как это может быть и может ли это получиться вообще. Я думаю, что у нас с режиссером было одно видение персонажа. Хотя, например, у меня в сознании сложился стереотип восприятия этого героя. Думаю, что и у многих россиян — тоже. Причем гораздо больший, чем стереотип Ленина. Он у нас более живой, что ли, чем Сталин. А Сталин... мы привыкли думать о нем как о какой-то демонической фигуре. Нам в фильме хотелось отойти от этого, сделать его более живым, «одомашнить», что ли. Мы попытались войти в те пространства, куда никто никогда не заходил, а если и заходил, то только в фантазиях. Я тоже фантазировал: представлял себе, каким Сталин мог быть у себя в кабинете, с людьми, которых любил, просто наедине с собой, когда смотрел в кинозале хронику. И вот так постепенно, в процессе «проговора» этих сцен, я согласился сыграть роль. Для меня важна была, прежде всего, не интеллектуальная информация о моем герое, а, скорее, психофизическая. Как, впрочем, это бывает со всеми героями, которых играешь в кино или театре. Поэтому я, конечно, готов говорить о Сталине как о громадине, но прежде всего надо было почувствовать его изнутри, со всеми страхами, привязанностями, любовями. Не знаю, как это получилось, но мне было очень интересно работать.

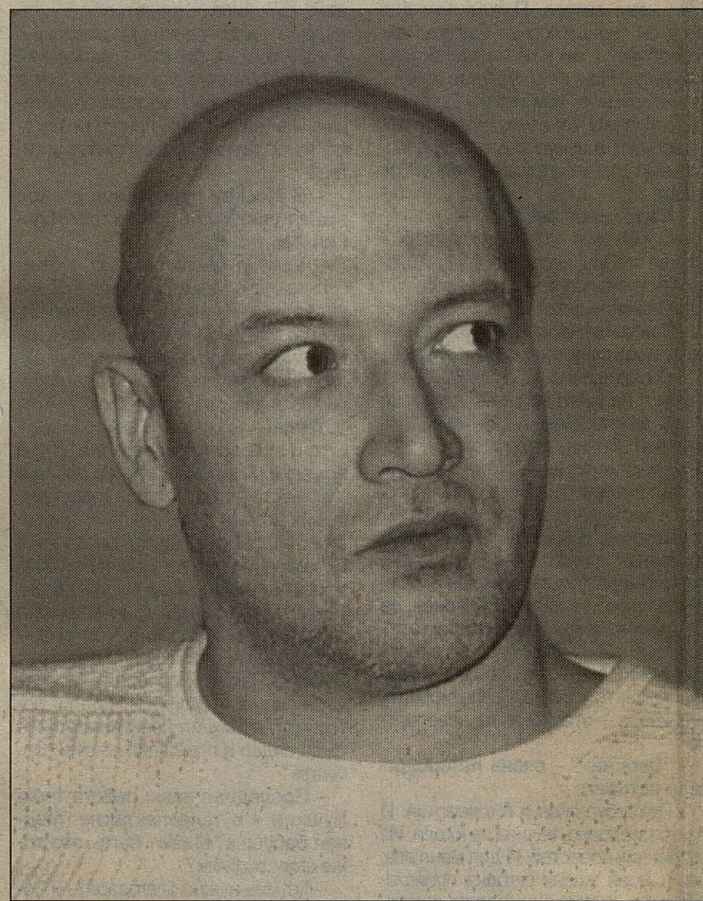
— Есть такой заезженный тезис: играешь плохо — лии в нем хорошее. Приходилось ли вам использовать его в работе над этой ролью?

— Я, честно говоря, никогда так не подхожу к работе. Потому что не встречал на своем пути людей, которые были бы целиком хорошие или плохие. Мне необходимо было полюбить этого героя, без любви ничего бы не получилось. В человеке есть и хорошее, и плохое, и обаятельное, и, наверное, омерзительное. Все эти черты присущи любому. Другое дело, в каких объемах и по какому «полярностям» это все раскидано.

— Как вы думаете, не стала ли сейчас тема «Детей Арбата» менее актуальной, чем в 80-е, когда книга была опубликована? Будет ли зритель остро реагировать на перипетии, которые происходят с героями фильма?

— Мне кажется, что кино прежде всего должно быть талантливо снято. А вопросы, которые затронуты в этой картине, — общечеловеческие. Поэтому, если эта история на экране будет хорошо подана, за ней будет интересно наблюдать. Процессы, связанные с тем временем, думаю, в нашей стране всегда будут актуальны. Пока что мы можем наблюдать их цикличность. Ведь Сталин — это не просто какой-то Карabas Барабас, который пришел тиранить безобидных кукол. Его окружение было страшноватое. Плюс к этому — пассивная и инфантильная позиция интеллигенции, начиная с 17-го года. Именно она довела страну до того, что мы имели. Если это будет продолжаться в будущем, то не исключено, что мы опять попадем на этот виток, только в каком-то другом качестве.

— О «Детях Арбата» и в 80-е годы, и сейчас приходилось слышать всякое. Многие считают, что Рыбаков извратил реальное положение вещей, лживо изобразил поколение 30-х и 40-х...

М. Суханов

Любой художник, живущий в определенное время, видит его по-своему. Он же не пишет хронику, не сидит в суде, записывая какие-то показания. Он выражает свои мысли так, как ему велят его совесть,

собственные муки. Тем и прекрасно искусство, что это — открытая система. Время все расставит на свои места, и если произведение будет неталантливим или очерняющим действительность, то оно само собой уйдет. А то, что окажется пронзительным, будет влиять на умы и сердца людей и, скажу пафосно, жить в веках. В конце концов, в жизни должны оставаться прежде всего талантливые произведения.

— Сейчас живы-здоровы некоторые прямые потомки Сталина. Вам не приходило в голову, работая над этим образом, проконсультироваться с ними?

— Нет. Может быть, проконсультировался режиссер, но я за него отвечать не берусь. Дело в том, что какая-либо информация от третьих лиц, связанная с поступками героя, которого играет актер, на последнем чаще всего не действует. А действуют прежде всего фантазии, которые появляются у него в связи с тем, что он уже знает, что прожил. Естественно, актер отталкивается и от сегодняшнего времени, чтобы то, что он создает, не казалось архаичным. Сейчас вся моя жизнь вложена в это произведение и в этот образ. И в дальнейшем я буду передавать всю информацию, основанную на художественной энергетике, а ни в коем случае не на голых фактах. К счастью, так работает мой организм, моя психофизика.

— Знаю, что для вас огромное значение имеет команда, которая работает над тем или иным проектом. Коллектив, создавший «Детей Арбата», вас устраивал?

— Да, конечно. Не знаю, как это удавалось Андрею Эшпаю, но он создавал на съемочной площадке такую атмосферу, что хотелось этим заниматься скрупулезно. У меня не так много сцен в этом фильме, но работать было приятно. Такое случается редко. И оператор у нас был замечательный — Шандор Беркеш, и актеры, с которыми мы работали. Все понимали, про что мы хотим сделать фильм. И конечно, я бы не смог сыграть этот образ, если бы не было Петра Горшенева, который создавал грим. Он — очень талантливый художник по пластическому гриму, мы долго корпели над ним, и, в конце концов, что-то получилось. Кстати, Горшенев создавал грим и для моих героев в фильме «Театральный роман» и спектакле «Лир».

— Не возникает ли у вас желания самому заняться кино- или театральной режиссурой?

— Я думал о том, смогу ли поставить спектакль. Брал пьесу, разбирал ее так, как мне казалось правильным. Но пришел к выводу, что на сегодняшний момент у меня нет таланта режиссера. Я, наверное, могу рассуждать, анализировать что-то. Но, помимо этого, нужен еще режиссерский дар создавать свой собственный мир. У этого мира должны быть свой язык, своя концепция и свое видение тех людей, которые в этом мире взаимодействуют. Пока я не представляю себя в таком качестве.

— Не возникает ли у вас желания самому заняться кино- или театральной режиссурой?

— Я думал о том, смогу ли поставить спектакль. Брал пьесу, разбирал ее так, как мне казалось правильным. Но пришел к выводу, что на сегодняшний момент у меня нет таланта режиссера. Я, наверное, могу рассуждать, анализировать что-то. Но, помимо этого, нужен еще режиссерский дар создавать свой собственный мир. У этого мира должны быть свой язык, своя концепция и свое видение тех людей, которые в этом мире взаимодействуют. Пока я не представляю себя в таком качестве.

— Как вы себя чувствуете в качестве кинопродюсера? Не входит ли эта функция в противоречие с вашей творческой натурой?

— Пока не входит. На самом деле это была идея прекрасного актера, моего большого друга и компаньона, с которым мы уже 25 лет вместе, — Александра Самойленко. Он предложил спродюсировать сначала одну картину — «Дни ангела». Потом мы сделали вторую — «Посылка с Марса», и теперь хотим заняться третьей. Это проект по производству братьев Стругацких «Отель У погибшего альпиниста». Кстати, за «Посылку с Марса» мы получили Гран-при за лучший видеofilm в Новгороде. Мы снимали его на пленку, это — лирическая новогодняя комедия.

— Вам на сцене всегда был свойствен какой-то особый, отличный от других, способ существования. Не было желания попробовать что-то в этом духе на экране, причем не только как актеру, но и как человеку, определяющему «генеральную линию»?

— Может быть, и хотелось бы. Но здесь нужна точка отсчета: режиссер, с которым я мог бы идти в дебри этих фантазий. Вполне возможно, что нам удастся поработать с Владимиром Мирзоевым и в кинематографе. Но ведь не бывает так: мне захотелось и все тотчас решилось.

— А может ли быть так, что художник Максим Суханов задумает в кино что-то вроде театраль-

ного «Лира», а продюсер Максим Суханов ответит: «Нет, это делать нельзя, рынок не пропустит»? Сидит ли в вас уже рыночный человек, который должен просчитывать ситуацию?

— Да он с самого начала, наверное, сидел во мне. Что касается кино, то здесь сложнее с такого рода произведениями, чем в театре. Но я думаю, что современный и талантливый фильм не обязательно должен быть сделан в какой-то альтернативной манере. Я думаю, что он может быть демократичным и при этом талантливым. Поэтому нужно искать...

— Ваш фильм «Дни ангела» это продемонстрировал: он явно выбивался из общего сериального потока на нашем ТВ...

— Мне тоже казалось, что он выбивался. И пришлось людям по душе. Наверное, его можно называть многосерийным художественным фильмом.

— Часто ли вам приходится заниматься поиском денег для кино?

— Постоянно! — Не напрягает? — Наверное, это напрягало бы, если бы у нас раньше была фура денег и мы отсюда постоянно брали бы какие-то суммы, а вот теперь приходится богаты и доставать. Но поскольку добывание и зарабатывание денег стало нормой нашей жизни, то это совсем не напрягает.

— Часто ли вы задумываетесь над тем, зачем выходите на сцену, какие душевные струны она заставляет в вас звучать?

— Это то пространство, та территория, где мои состояния через реализацию своего «я» проходят какие-то невероятно сложные этапы перерождений. Эти состояния я могу испытывать только на сцене и получаю от этого удовольствие. Они бы не могли возникать у меня при пустом зале: то, что я посылаю в него, возвращается ко мне с большей силой. И происходит что-то такое, что рождает высшее удовольствие, а может быть, и катарсис. Желание играть у меня пока есть, и все те фантазии, которые связаны с моими детскими состояниями, тоже реализуются на сцене. Не последним козырем в этом смысле является Мирзоев: я понимаю, что у него есть потребность в том, чтобы его лирическим героем был я.

— Некоторые люди, знающие вас с Мирзоевым близко, говорят, что вы — почти единое целое, что вам много и слов никаких не надо. Это так?

— Да. Иногда на репетициях я за несколько секунд чувствую, что бы он хотел сказать. Надеюсь, что и он — тоже. Но это бывает только тогда, когда отношения у людей долгие и постоянно развиваются. Так же бывает и между друзьями, и в семье: люди могут просто сидеть, молчать, а на самом деле у них идет плотный диалог. Мне такая «система» работы очень подходит.

— Последние события: увольнение Владимира Мирзоева из Теат-

ра Станиславского, отсутствие в афише этого театра некоторых его спектаклей, приостановление «Лира» в Вахтанговском театре, — не означают ли, что существует какое-то противодействие внешних сил творческой паре «Мирзоев — Суханов»?

— Я бы не стал называть это каким-то заговором. Так складывается сейчас судьба. Увольнение Владимира Мирзоева было вызвано тем, что он сам решил уйти из этого театра. Не стоит делать из этого трагедии. Что касается спектаклей, то они все же идут. Некоторые — с переборами, потому что трудно бывает собрать актеров из разных театров. В случае с Театром Вахтангова, действительно, «виновата» сложная декорация, основанная на гидравлике. Но продолжаем репетировать. И надеюсь, что в конце февраля в Театре Вахтангова выйдет спектакль «Дон Жуан».

— И все же: вы чувствуете себя «белыми воронами» в театральной стае?

— Я бы не стал так выделять ни себя, ни Мирзоева. Да, мы работаем вместе, и нам очень интересно то, что мы исследуем. Иначе бы мы не шли на компромисс: дружить бы продолжали, но работать бы вместе перестали. А пока что чувствуем, что наше дело нужно зрителю и люди от этого получают настоящее удовольствие. Это для нас — большое счастье.

— Как вы думаете, ваши с Мирзоевым спектакли могут играть только в больших репертуарных театрах или где-то еще? Вот вы сейчас кинопродюсер, а может ли быть, что в недалеком будущем станете театральным продюсером или даже руководителем театра?

— По поводу нынешних спектаклей думаю, что они могут играть и на стороне. Вполне возможно, что мне будет интересно стать продюсером какого-то театрального проекта. Все дело в том, как он будет сделан, какие будут затраты и как будет разрекламирован. Реклама в наше время обязательна: невозможно тихоночь сидеть и думать, что все о тебе должны все знать. Нужно найти свою дорожку в громадном информационном потоке.

— В вашей жизни особое место всегда занимала музыка. Помните, вы рассказывали, что иногда играете на фортепиано в четыре руки со своей бабушкой...

— Да, я занимался музыкой и прежде всего обязан в этом смысле своей бабушке, которая играла на фортепиано и учила меня. Мы до сих пор иногда продолжаем играть, хотя не так часто видимся. Ей 90 лет, она в прекрасном самочувствии и даже недавно к моему дню рождения сочинила мне в подарок песню.

— Вы в свое время написали музыку к спектаклю «Сирано де Бержерак». Нет ли желания заниматься этим и в будущем?

— Я хочу уточнить: многое к «Сирано» написал Леша Шелыгин. Но что-

то было и мое. Что касается будущего, то я ничего сказать не могу. Если будет желание у того же Владимира Мирзоева, чтобы я для его спектакля что-то написал, и меня посетит муза, то, может быть, что-то и получится. А желание у меня есть... Бывает, что я просто так, безотносительно к спектаклю, что-то пробую, сочиняю. Но пока, кроме жены, никому слушать не даю.

— Ваша Этери — очаровательная женщина, талантливый журналист и фотохудожник. Летом в одной маленькой галерее выставлялись ее необычные работы, посвященные спектаклю «Лир», похожие скорее на живописные полотна, чем на фотографии. Как вы относитесь к ним?

— Мне очень нравится, что она этим занялась и нашла какой-то особый подход к съемкам именно театральных работ. Причем не только тех спектаклей, где я играю, но и спектаклей других театров. В декабре в Театре Вахтангова пройдет еще одна выставка, на которой будут представлены ее фотографии из «Лира», «Турандот», «Калигулы». И все — в таком же «странном духе».

— Не могу не спросить о том, как вам видится образ Дон Жуана? Зачем Дон Жуан испытывает терпение Бога? Он игрок?

— Как мне кажется, и, надеюсь, со мной согласится Мирзоев, Дон Жуан — близорук. При всей своей любвеобильности (а он искренне «вкладывается» в каждую любовь и переживает ее), уходя к новой женщине, он ищет подтверждения от неба неправомерности своих действий. Ждет какого-то знака, хотя эти знаки располагаются вокруг него. Он их просто не видит. Даже Эльвира, которая его искренне любит и из-за него уходит из монастыря, — это тоже знак того, что его путь ошибочен. А он провоцирует другой знак. И говорит Станиславу: «Вот видишь, я делаю, но ничего же не происходит!» Его провокации — это образ жизни человека, который привык жить в пограничных состояниях и даже стремится к этому.

— Обладает ли, по-вашему, театр вообще и актер в частности пассионарностью, может ли он формировать духовную жизнь людей?

— Театр вообще и актер в частности — пока еще до конца не изученные категории. По большей части актер рассматривается как нечто плоскостное, как тот, кто развлекает. Но мне кажется, что это неправильно. Потому что, когда в театре возникает процесс взаимобмена энергиями между актерами и зрителями, это может действовать на людей целительно. И на физическом уровне, и на уровне души. Думаю, что театр в этом смысле гораздо ценнее института Церкви.

Беседу вел Павел ПОДКЛАДОВ Фото Степана РАПЧЕВСКОГО